

Анатолий Сазыкин

Всю свою жизнь он посвятил литературе. Школьный учитель, преподаватель Новокузнецкого педагогического института (позднее – КузГПА, НФИ КемГУ), кандидат педагогических наук, доцент, более 11 лет заведовавший кафедрой литературы, Анатолий Семёнович Сазыкин привил любовь к русскому языку тысячам своих учеников и студентов.

За 52 года педагогической деятельности он разработал и читал три разных курса в институте, изучил все пласты русской и зарубежной литературы. И сегодня, будучи на заслуженном отдыхе, Анатолий Семёнович продолжает заниматься популяризацией достижений отечественной литературы, пишет статьи, посвящённые творчеству русских классиков и наших современников, которые регулярно появляются на страницах региональных изданий.

Удивительный рассказчик, известный многим ещё со студенчества, Анатолий Семёнович Сазыкин умеет увлечь аудиторию, на его публичные лекции в городских учреждениях культуры собирается обычно вся литературная общественность Новокузнецка.

Большие усилия прилагает он и поддержке местных авторов, талантливых поэтов и писателей Земли Кузнецкой. Тонкий знаток и ценитель, А.С. Сазыкин, по сути, остаётся сегодня единственным автором самых доступных для читателей литературоведческих работ, в которых всесторонне исследуются особенности творчества наших земляков, знаменитых писателей, внёсших заметный вклад в большую литературу (*Владимир Мазаев, Анатолий Ябров, Любовь Никонова, Тайана Тудегешева, Александр Раевский, Любовь Арбачакова*).

Кроме авторского цикла лекций, направленных на формирование умения читать и думать, анализировать и формировать суждения, Анатолий Семёнович уделяет значительное внимание своему постоянному участию в редколлегии нашего альманаха. В каждом выпуске «Кузнецкой крепости» он ведёт на общественных началах раздел «Литературоведение. Критика».

Литературный портрет шориянки

О поэзии Любви Арбачаковой

Вспоминаю весенний день апреля 1994 года. На Сыркашинской горе под Междуреченском на шорском национальном кладбище хоронили Андрея Ильича Чудоякова. Заведующего кафедрой шорского языка и литературы Новокузнецкого пединститута, учёного – человека, сделавшего очень много для возрождения национальной культуры и сохранения своего народа.

Среди провожающих – и группа студентов пятого курса – студентов, которых набирал для обучения сам Андрей Ильич, с которыми связывал свои надежды. Среди студенток обращает на себя внимание худенькая, стройная девушка с большими внимательными глазами. Это и есть Люба – Любовь Никитовна Арбачакова, сегодня – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института филологии СО РАН, член Союза художников и Союза писателей России, героиня моего небольшого очерка.

Не берусь судить о Л.Н. Арбачаковой как о художнике, хотя с огромным удовольствием смотрю её картины, а вот как о поэте позволю себе немного сказать.

В основном буду цитировать стихотворения из её последней книжки «Песни шориянки» (2011 г.). Сборник составлен из коротких стихотворений, самое большое – из десяти строк, самые маленькие – из двух-трех, в большинстве своём напоминающих японские хокку. Япония здесь, возможно, кстати; как замечает в предисловии к сборнику новосибирский поэт

СТРАНИЦЫ КНИГИ

Владимир Берязев, «представляется очевидно правдивой легенда японцев о том, что их предки когда-то вышли из пределов Алтая».

Какого-то отчётливого принципа расположения стихотворений в сборнике нет – писались, видимо, как вырывались из души. Поэтому я позволю себе сгруппировать их по некоторым основным темам: автобиографические, личностно-философские, природно-философские, фольклорные, художественные,

навеянные современностью и – самая большая группа – рисующие внутренний мир лирической героини, автора-женщины.

Подчеркну, что деление это чисто условное, т. к. сборник очень цельный, яркий, непринуждённо-личностный и открытый, искренний. Кошунство это я себе позволил только с целью установления какой-то последовательности в рассказе.

В своё время В. Маяковский правильно утверждал: «Поэзия вся – езда в неизвестное». Это «неизвестное» – всё вокруг нас и в нас – от космоса до внутреннего мира человека.

«Я знаю всё – но только не себя», – утверждает другой великий поэт. Устремлённость к духовному познанию мира и себя в мире, без сомнения, определяет пафос лирики Л. Арбакаковой.

Для выражения этой устремлённости бог дал ей редкое двойное дарование – талант художника и талант поэта. Талант художника в ней, очевидно, сильнее.

Сама она об этом говорит так:

Нежданно навалилась тоска.

Мысли горькие одолели...

.....

Давно бы тоска скрутила меня,

Когда б не моя живопись.

Говорит она и о приходе поэтического вдохновения:

Сердце моё встрепенулось:

Причитания народа слышались.

Это значит,

что время стихов наступило.

Первооснова её поэтического творчества – это глубоко диалектическое восприятие жизни. Оно идёт от веры предков в существование двух миров – мира Ульгена и мира Эрлика, или, по-христиански, Бога и дьявола, в нерасторжимую слитность этих миров.

Не торопись уходить

Туда, откуда возврата нет.

Ведь между «здесь» и «там»

Нет никаких границ.

Отсюда убеждённость в том, что жизнь складывается из единства противоречий, она не однобока и не однолинейна, она не сводится к страданиям и боли, и уж тем более к бездумному потребительству и наслажденчеству. Главная её ценность – это душа, это то внутреннее, живое и сложное, чем должен жить человек.

Главное средство выражения этого сложного внутреннего мира человека, сложного вечно живого мира природы в лирике Л.Н. Арбакаковой – это метафоризм её поэтического мышления.

Б. Пастернак называл метафору «скорописью человеческого духа». Белинский говорил о «неуследимой глубине художественного образа». Без метафоризма поэтического мышления и образ бы не состоялся. Но метафора метафоре рознь. Есть такие, в которых автор «*вокруг смысла оригинальности пуцей даёт гигантского кругая*», а есть – рождённые жизнью и органичные, как дыхание.

Метафоры в большинстве стихотворений Л. Арбакаковой мгновенны, интуитивны и тем самым оставляют читателю просторное поле для домысливания и дочувствования, стимулируя сотворчество.

Оцените, как много сказано на языке души:

По земле родного аала

Босиком пробежалась.

Теперь и душа, и ноги в занозах...

Или ещё:

Ты ушел, хлопнув дверью,

Как всегда, меня не дослушал.

Мне вспомнилось наше детство...

Ах, с каким удовольствием

Одна старуха-шаманка

Трубкой своей дымила.

Каким же маняще-сладостным

Был запах дымившей трубки

У старой соседки-шаманки

В нашем далёком детстве!

А вот стихотворение о погибшей сестре:

Избыть беду

По улице бреду.

Спина напряжена,

И сердце никнет:

Вдруг кто-то

Именем твоим

Меня окликнет?

Какая экономность в словах, но как полно передана трагедия! И эта деталь внешнего облика: «спина напряжена» в сочетании с метафорическим выражением душевного состояния: «сердце никнет»... Не упустим и его звуковую организацию в первом двустишии – с преобладанием звонких взрывных согласных «зб... бд... брд...» оглушённого сознания.

Своего рода лирический микрошедевр. Мы не только почувствовали горе этой женщины, мы её ещё и увидели.

Вот ещё две словесные зарисовки, которые может сделать только художник:

Случайно

В горной речке

Поймала

Я солнца взгляд.

Взгляда не отведу,

Даже если ослепну:

Миг счастья!

И:
**Я камушек бросила солнцу
В гладь речную.
Солнце встревоженное
Долго не могло успокоиться.**

Стихотворения могут быть буквально пронизаны светом, цветом, и через эту гамму меняющихся красок возможно передать состояние души:

**С восходом жёлтого солнца,
Светлое платье надев,
Жду твоего письма!
Красный вечер вручил мне записку...
Уставшее солнце за гору село,
И яркое платье моё померкло.**

В краткой, но очень насыщенной мыслью, высокопрофессиональной статье «Живопись Любови Арбачаковой» Лариса Ларина, директор Новокузнецкого художественного музея, говорит о синкретизме фольклора как вида искусства. Помимо такой его составляющей, как искусство слова, существует ещё и пластический фольклор.

«Связь этих видов народного творчества очевидна, она имеет глубокие корни в народном мировоззрении, мировосприятии и мироощущении, – пишет исследовательница. – Поэтому вполне логично и естественно было обращение Арбачаковой от вербального фольклора к пластическому... Различие этих пространственных и временных искусств не допускает полного перевода смысла, но он и не нужен, наличие непереводаемого становится смыслообразующим фактором».

Концептуальная мысль как для понимания живописи Л.Н. Арбачаковой, так и её поэзии.

Всмотритесь и вслушайтесь в такие, например, пятистишия:

**Осенним холодным утром всегда
Сквозь туман на реке Мрассу
Конь белогривый
Всё мчитя куда-то –
Но доскакать не может.**

И еще:

**Лодка любви
Тихо плывет по Мрассу...
Лишь где-то крылатая рыба,
К небу рванувшись,
Исчезает снова в синей бездне.**

Всегда остаётся недоговоренность, за которой нечто скрытое, тайное, недосказанное.

Уместно будет сказать, кстати, как сам автор картин и стихов отзывается о себе.

Вот две самооценки:
**Я – художница,
Я – поэтесса.**

**Но... во всё –
Дилетантка.**

И:

**Многое мне сегодня дано.
Есть компьютер, чтоб стихи набирать,
Разные краски, чтоб картины писать.
Но...шедевры не получаются.**

Заверим, это не кокетство. Это и есть тот святой огонь недовольства собой, который делает художника художником.

Есть и такое стихотворение, выражающее авторское кредо:

**Я художник, поэт,
Почти взнуздаю коня-облако!
Пусть кто-то на этой земле
Крепко держит мой повод.**

Этот «кто-то» – и есть тот высокий нравственно-художественный критерий, который не позволяет терять чувство реальности ни в творчестве, ни в жизни.

Выше уже говорилось о диалектике и многогранности восприятия жизни в стихотворениях Л.Н. Арбачаковой. Интересно понаблюдать, как эта важнейшая особенность её лирики диктует композицию её лирических миниатюр.

В своё время ещё Л.С. Выготский уподоблял стихотворения летательным аппаратам легче или тяжелее воздуха. Одни, подобно надувным шарикам, существуют только за счёт своей «поэтической» темы. Другие, подобно самолётам, преодолевают энтропию отражаемой в них житейской прозы внутренней энергией стиха. Энергия эта и рождается из столкновения в стихе двух противоположных смыслов. Столкновение это создаёт живой и сложный итоговый смысл стихотворения.

В большинстве лирических миниатюр Арбачаковой, даже на минимальном словесном пространстве, происходит это столкновение, рождающее авторское видение, часто очень своеобразное и всегда очень многомерное.

Стихотворение может быть, на первый взгляд, чисто бытовой сценкой:

**Мне свекровь моя с радостью
Показала свою обнору.
Между делом сказала:
«Это чтобы ты знала,
В чем меня хоронить!»**

Может быть жизненным раздумьем:

**Я в мае родилась.
По-шорски – кандыкам цвести.
По-русски – вечно маяться.
По жизни – беды и цветы
переплетаются.**

Может таить много невысказанного в разнообразных буднях:

**Сижу одиноко в многоэтажке.
За окном – грохот машин.
Ты вернулся с работы,
Молча включил телевизор...
Ещё один день пропал!**

Может содержать своеобразно переосмысленный, сниженный традиционный фольклорный мотив:

**По лунной Мрассу
Твоя лодка летит ко мне.
Навстречу рванувшись,
Угодила я в грязную лужу!**

Может касаться и сложных вопросов веры и притягивания/непритягивания жизни:

**Шаман камлает неистово,
Пытаясь излечить мою душу...
А в переднем углу его дома лучится
Печальный лик божьей матери.**

И:

**В мире ином я согласна на рай,
И даже на ад...
Лишь бы не снова на землю!**

Чаще всего, как видим, концовка стихотворения может вступать в противоречие со всем стихом или бросать на него неожиданный свет, углубляя тем самым всё суждение.

Интересен ещё один штрих к творческому портрету. Поэтического отклика на темы и проблемы современности в сборнике практически нет, как и в живописи Арбачаковой. А те единичные, что в сборнике встретились, выдержаны в очень сдержанном ироническом тоне.

**Издалека ко мне
Долгожданная подруга приехала!
При всех не рискнула
Расцеловаться –
Нынче ведь всё переиначено...**

И такая вот замечательная психологическая миниатюра:

**Ты знаешь,
Он так наивен!
Позвонил
И в кино пригласил...**

Замечателен и образ лирической героини, вобравший в себя и черты личности автора, и черты вообще женские. Образ этот динамичный, живой, полный противоречий и очень по-женски логичный.

В основе его, конечно, сознание своего очарования, но и оно чуть-чуть иронично:

**Мои подруги, суетсяя,
К конкурсу Кен-Кыс готовятся,
Мечтают о короне красы Шории.
Я не готовлюсь к конкурсу,
Мне быть там не обязательно,
Ведь и без того я – красавица.**

Любовь для такой натуры — главное условие жизненной гармонии и счастья.

**Позволь полюбить тебя.
Не дай разочароваться!
Когда я с тобой –
Земля роднее становится.
И продлевается жизнь моя.
И снова поражает изобразительная сила:
Милого ожидая,
На стук дверей
Всю ночь выбегала –
Лишь грубый ветер
В объятья меня принимал.**

Героиня отличается трепетностью, чувственностью, горячим желанием быть с любимым человеком. Но тут же – высокое чувство собственного достоинства, природный ум, трезвость суждений и о себе, и о возлюбленном, большая внутренняя сила и эта спасительная ирония в оценке себя, своих чувств, других людей, любимых, любивших и просто чем-то интересных.

**Ночью мне не спалось
Я вспоминала тех,
Кто хоть однажды в меня влюблялся...
Никого не припомнила.**

И снова поражает изобразительная сила слова, данная поэту-художнику и художнику-поэту:

**Вспорхнула красавица юная,
Только косы взметнулись крыльями!
...Прежних своих волос
больше не отращу:**

Как осенняя трава, они хрупки.

Когда она изредка касается интимных сторон любви, как касались их народные сказители-кайчи, она и тут остаётся верна своей манере – соединять высокое и низкое, духовное и материальное, повседневное и праздничное.

Любовь Арбачакова – двуязычный поэт, она прекрасно владеет и шорским, и русским словом и тем самым выводит культуру своего малого народа в широкое русло культуры России.

**Анатолий Сазыкин,
литературовед,
кандидат педагогических наук, доцент.**

